

З. А. НИКОЛЬСКАЯ

СВАДЕБНЫЕ И РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ АВАРЦЕВ КАХИБСКОГО РАЙОНА

(Полевые этнографические заметки)

Материалы по свадебным и роковым обрядам были собраны мной в Аварии в 1944 и 1945 гг. Они представляют собой результаты непосредственных наблюдений и опросов местных жителей в аулах Кахибского района. Расспросы производились через грамотных переводчиков-аварцев, хорошо знающих русский язык, а также через русских поселенцев в Аварии.

Наибольший интерес представляют рассказы стариков в возрасте от 70 до 100 и выше лет, сохранивших в памяти никем не записанные, нигде не отмеченные обрывки глубокой старины.

Нижеприводимые описания свадебных и роковых обрядов записаны отдельно для каждого аула, в котором собирались сведения.

Аул Голотль

Цикл свадебных обрядов в ауле Голотль распадался на две основные части — сговор и свадьбу, отделенные одна от другой большим промежутком времени. Обычно задолго до совершеннолетия детей родители их заключали соглашение. Для этого родители мальчика выбирали наиболее уважаемых стариков аула, которые вели все переговоры с родителями девочки. Невесту всегда выбирали в пределах своего аула. Сваты договаривались о дне свадьбы, приданом, величине «магара». Со времени такого обручения девочка и мальчик считались женихом и невестой, причем были обязаны избегать друг друга. Ежегодно, с момента такого обручения до свадьбы, во время большого байрама вся родня жениха делала невесте подарки: платье, платок, посуду, деньги. Подарки несли торжественно на глазах у всего аула и вручали матери невесты. Последняя радушно принимала и угощала дарителей, благодарила за подарки. Отец невесты должен был на это время уходить из дома. Вечером посмотреть подарки приходили подруги невесты. Считалось большим позором для дарителей, если их подарки не понравились; бывали даже случаи, что подарки отсылались обратно.

В год свадьбы делался «большой» подарок: 2—5 шелковых платьев, несколько шелковых платков, чухту (головной убор), хиталы (обувь), деньги и пр.

В течение всего периода от сговора до свадьбы родители невесты готовили ей приданое.

О калыме в Голотле не помнят. Зато до сих пор сохранился другой вид платежа, известный под названием «кебина» или «магара». Назначение его — быть обеспечением жены на случай развода.

От сговора до свадьбы проходило много времени, иногда десять, двенадцать лет. Наконец, наступало время свадьбы. В первый день дядя невесты по матери или сама мать отводили невесту в дом ее подруги, где невеста должна была весь день сидеть недвижимо, окруженная подругами. Первый день свадебного торжества справлялся в доме главного товарища жениха, так называемого «гудула», куда утром отводился жених. «Гудул» был и главным распорядителем на свадьбе. В свадебном веселье принимал участие весь аул. Бывали гости и из соседних селений.

На следующий день празднование свадьбы переносилось в дом родителей жениха. В этот же день подруги переводили туда и невесту. Встречать ее выходил «гудул» жениха. Он приглашал ее войти в дом, но невеста отказывалась переступить порог и требовала позвать мать жениха. Последняя выходила и заявляла о своей готовности подарить невесте земельный участок, дом, скот и пр. Тогда невеста требовала позвать других родственников жениха, которые в свою очередь делали ей подарки. Отец жениха и его братья не только не встречали невесту, но на это время уходили из дома. Одарив невесту подарками, ее вводили в дом, в специально приготовленную комнату. Здесь она оставалась в течение всей свадьбы. Только поздно вечером, когда кончалось угощение и гости переходили на крышу сакли для танцев, невесту при-

водили сюда же. Здесь она была всегда окружена подругами, одетыми в ее платья. В первой паре танцевал «гудул» жениха с подругой невесты, в следующей — жених и невеста. В течение трех дней свадьба продолжалась в доме жениха, затем переходила, по очереди к его товарищам.

Первое время после свадьбы молодожены жили в семье мужа. Сначала подруги новобрачной ежедневно приходили помогать ей в хозяйстве. Они сопровождали ее по воду, пекли хлеб и пр. Через год, а иногда и раньше, новобрачные отделялись в свое хозяйство.

Несмотря на то, что рождение ребенка составляет самое торжественное и радостное событие в аварской семье, молодая женщина тщательно скрывала свою беременность и от мужа, и от его родственников. Своего первого ребенка женщина обязательно рожала в доме своей матери, куда уходила на время родов. О рождении сына (рождение дочери проходило менее торжественно) отец оповещал жителей аула выстрелом. Вечером он устраивал угощение, на которое приглашал всех родственников. Родственники делали новорожденному всевозможные подарки. Но люльку, которая считалась самым большим подарком, дарил мать молодой женщины. Во время угощения отец, совместно с родственниками, выбирал имя ребенку.

Аул Урада

Сговора малолетних детей, как распространенного явления, жители Урады не помнят, но отдельные случаи бывали еще на их памяти. Браки заключались в пределах своего аула; старались, чтобы невеста была из одного «тлийбия» (родовой группы) с женихом.

Когда мальчику исполнилось 15 лет, отец его, без всякого согласия сына, даже не предупредив его, посылал самых доверенных, почетных родственников к родителям намеченной девушки. Сваты несли «магаро» — подарки, которые торжественно вручали матери невесты, если сватовство принималось. Во время угощения, устраиваемого матерью невесты, сваты вместе с ней назначали и день свадьбы, обычно на весну, чтобы к следующему лету женщина уже приняла участие в хозяйственных работах. Сговоренную девушку накануне дня свадьбы либо дядя по матери, либо кто-нибудь из других материнских родственников переводил в дом ее подруги. Жениха в этот день переводили к его товарищу, «гудулу». Мать жениха с родственниками несли невесте подарки, стараясь сделать это наиболее торжественно. Невеста, получив подарки, должна была разложить их таким образом, чтобы весь аул мог оценить или осудить щедрость дарителей.

Первый день свадьбы праздновался в доме «гудула» жениха на общие средства всех его товарищей. Последние накануне свадьбы устраивали так называемый «хазина» («склад») и выбирали «хазинчи», который был обязан следить за угощением. Если кто-либо без спроса дотрагивался до «хазина», «хазинчи» накладывал на виновного штраф. Провинившийся должен был внести удвоенный пай, что он охотно и делал. Кроме хазинчи, выбирали старшего распорядителя свадьбы — «кудамана». Весь аул без исключения участвовал в веселье, стараясь получше одарить жениха и невесту. Целый день гостей угощали вином, мясом, сладостями. Невеста на угощении не присутствовала. Когда же вечером начинались танцы, невесту приводили на место танцев, где она садилась среди женщин и в первый день не танцевала. Начинали танцы уважаемые гости из другого аула. На следующий день свадьба продолжалась в доме жениха. Утром, стараясь это сделать как можно менее заметно, подруги переводили невесту в дом жениха. Там ее приветливо встречала мать жениха и сажала в специально приготовленную комнату. Невеста в течение всей свадьбы сидела недвижимо с закрытым лицом. Ее окружали подруги, всегда готовые укрыть ее от посторонних взглядов. Ни отец, ни братья жениха не имели права входить в эту комнату. Кушать ей приносила мать жениха, но и с ней невеста не могла промолвить ни слова. Жених днем находился в доме «гудула», вечером товарищи приводили его на свадебный пир, ночью же он посещал невесту. За женихом все время бдительно следил «гудул». Иначе другие товарищи жениха, заинтересованные в том, чтобы начать свадьбу в своем доме и тем самым увеличить свою роль на свадьбе, могли выкрасть его. Жених в таких случаях не имел права сопротивляться. Этим часто пользовались не только его товарищи, но и подруги невесты. Они выкрадывали жениха и требовали за него выкуп. В доме жениха пир продолжался три дня. Затем переходил в дом других товарищей жениха. Свадьба иногда затягивалась, таким образом, до 15—20 дней.

Первую неделю после свадьбы новобрачной в хозяйстве помогали ее подруги.

Через год отец мужа выделял молодоженам отдельный участок земли, дом, скот. Свою беременность женщина тщательно скрывала как от родственников мужа, так и от самого мужа. Считалось неприличным мужу видеть и общаться с женой перед ее родами, поэтому он на время родов поселялся у своих товарищей. Мать и сестры мужа либо делали вид, что не догадываются о беременности снохи, либо избегали ее. В момент родов они уходили из дома. Помогать рождению обычно приходили ее мать и сестры. Они же делали самый большой подарок новорожденному — люльку.

Аул Тлях

Свадьбе, обычно справлявшейся в год совершеннолетия детей, предшествовал предварительный сговор.

За несколько лет до совершеннолетия родители договаривались поженить детей, когда они подрастут. Наиболее почитаемыми браками считались те, которые заключались в пределах своего «тлибия», поэтому только в тех случаях, когда не было возможности найти подходящую невесту в своем «тлибиле», ее брали из других «тлибилей», но того же аула.

В год свадьбы отец мальчика выбирал из числа своих родственников наиболее почитаемых людей и просил их быть сватами. Сваты, в сознании всей важности своего посольства, торжественно несли родителям невесты подарки. Во время угощения сваты договаривались о дне свадьбы, приданом, подарках и т. д. За день до назначенного срока свадьбы невесту, под предлогом помощи в работе, вводили в дом ее подруги, откуда уже не выпускали. Жениха тоже под любимыми предлогами заманивали в дом его «гудула», где праздновался первый день свадьбы. Невеста в свадебном пире не участвовала. Гости могли ее видеть только во время танцев, когда она танцевала с женихом. На следующий день подруги, одетые в платья невесты, вели ее в дом жениха и несли туда же ее приданое. Невесту обычно никто не встречал в доме жениха. Она в сопровождении подруг входила в пустую комнату, специально приготовленную к ее приходу. Через некоторое время сюда же приходили мать и сестры жениха и начинали готовить для невесты подарки. Сама невеста никогда им не помогала, не разговаривала и не замечала своих будущих родственников. Отец жениха никогда не входил в эту комнату. В течение всех трех дней, пока шла свадьба в доме жениха, невеста сидела днем в углу комнаты, окруженная подругами, которые вечером выводили ее на танцы. Жених все эти дни находился в доме «гудула». Вечером он в сопровождении товарищей появлялся на свадебном пире, после которого ночью посещал невесту. Последние дни свадьбы проходили менее весело и шумно у остальных товарищей жениха.

Первый год после свадьбы молодожены жили в доме родителей мужа, затем получали отдельный дом, земельный участок, скот. Весь этот год совместной жизни молодая женщина всячески избегала отца мужа. После же отделения молодой пары в свой дом у нее с отцом мужа налаживались родственные отношения.

Свою беременность женщина старалась до последнего времени скрыть от родственников мужа. Рожала ребенка она в отдельной комнате, тщательно заперев ее. При родах ей помогали ее мать или сестры. Если же женщина была взята из другого аула, что бывало крайне редко, то при родах она обходилась без всякой помощи. Даже в том случае, если роды были очень тяжелыми, родильница никогда не допускала помощи со стороны родителей мужа.

Аул Тидиб

Сговора малолетних детей в Тидибе не помнят. Когда мальчику исполнилось 15 лет, отец, не предупредив его, посылал к отцу намеченной девушки всеми уважаемого человека, так называемого «готлохана». Обычно девушку старались выбрать из своего «тлибия» (родовой группы). И только если в своем «тлибиле» подходящей невесты не оказывалось, «готлохана» посылали в другой «тлибиль». В то время, когда «готлохан» договаривался с родителями невесты о дне свадьбы, о приданом, родственники невесты обманным путем зазывали невесту к себе и не отпускали из своего дома до дня свадьбы. Родственники жениха таким же образом задерживали его в своем доме.

Первый день свадьбы праздновался в доме «гудула». Три следующих дня — в доме жениха, пятый день — в доме невесты. Во время всей свадьбы невеста была окружена подругами, жених — товарищами. Несмотря на это, бывали случаи, что женщины аула выкрадывали жениха и требовали за него выкуп. Часто во время свадьбы вдруг с другого конца аула начинали раздаваться звуки зурны и барабана, товарищи жениха в испуге начинали искать его. Но тщетно, его уже выкрали. И свадьба переходила в тот дом, хозяин которого удачно заполучил жениха. Вообще, все жители аула старались один перед другим увеличить свое значение на свадьбе, для этого дарили подарки, устраивали угощения. Первые дни после свадьбы подруги невесты приходили ей помогать по хозяйству. Молодая женщина старалась всеми силами понравиться матери мужа, беспрекословно исполняла все ее приказания по дому, работала в поле. Отца мужа она избегала все время, пока жила в их доме. Через год молодоженам выделяли отдельный дом, земельный участок.

Первого ребенка молодая женщина рожала потихоньку от мужа с помощью своей матери, которая приходила к ней на это время. Если муж знал приблизительно время родов, то покидал на это время свой дом и жил у товарищей.

Аул Мочада

Отец подрастающего сына долгие годы присматривал сыну невесту, выбирая девушку работающую, трудоспособную и из хорошего «тлибия» (если в своем не было подходящей). Когда детям исполнилось 15 лет, отец мальчика посылал к родителям девушки сватов. Сваты, получив согласие родителей девушки, договаривались с ними о дне свадьбы, приданом и т. д. Невесту дядя по матери отводил в дом какой-нибудь ее подруги: сюда же приходили и все остальные подруги. Жених должен был в это время находиться в доме своего «гудула».

На следующий день подруги переводили невесту в дом жениха, где ее встречала его мать. Она дарила ей платье, головной убор, туфли, деньги.

День, когда невесту переводили в дом жениха, считался первым днем свадьбы. Родители жениха приглашали всех жителей аула к себе на пиршество. Второй день свадьбы праздновался в доме невесты, третий — опять у жениха, четвертый, пятый и шестой у его товарищей. Невеста на пиршестве никогда не присутствовала, она в это время как днем, так и вечером продолжала сидеть в углу специально для свадьбы приготовленной комнаты, окруженная подругами. Вечером невеста танцевала с женихом «кариш» (танец, который танцуют мужчины и женщины вместе). Начиная «кариш» «гудул» жениха с подругой невесты, и уже за ними следующей парой шли жених с невестой. Ночью все гости расходились, в доме оставались лишь «гудул» с главной подругой невесты, а равно невеста и жених, который посещал ночью свою будущую жену.

Обычай возвращения женщины на время родов в дом матери был раньше широко распространен. Такая «возвратившаяся» женщина оставалась в доме матери 30—45 дней. Муж ее в это время не интересовался ее здоровьем, не беспокоился ее отсутствием. Ее мать и сестры шили новорожденному приданое и дарили люльку. В последнее время в Мочаде чаще не дочь возвращается в дом матери, а мать приходит к дочери на время ее родов. Родители мужа делают вид, что даже не догадываются о том, что происходит с женой их сына. Муж роженицы уходит к своим родственникам, чтобы не видеть жену, пока она не «очистится».

Свадьба в Генге

Ранний сговор бывал. Старались детей женить пораньше, во избежание внебрачных отношений, что считалось «большим грехом». Существовала даже «условная женитьба» малолетних детей. Маленькую девочку брали в дом к ее будущему мужу, и она жила на правах «условной жены», пока не становилась ею действительно. Отец жениха посылал к отцу невесты уважаемых, старших родственников. Они одевались в лучшие платья и несли на блюде круглый хлеб, начиненный сыром. Если родители невесты давали согласие, то им вручался этот хлеб. После сговора все родственники жениха ходили по аулу и созывали всех без исключения на свадьбу.

После сговора девушку отводили в дом ее родственницы, заманив ее туда просьбой помочь в работе. Первый день свадебного торжества проходил в доме жениха. Все гости сидели рядами на паласах, шубах, войлоках. Около них на полу стояли блюда с цурабчедами (род пирогов с сыром), чуреками. Главный товарищ жениха — «гудул», или брат жениха, считался распорядителем пиршества. Он обносил всех по очереди бузой, мясом, халвой и следил за порядком. После угощения все гости шли на «гоцо» — специальное место для танцев, где уже слышались звуки зурны и барабана. Начиная танцы «гудул». Вечером этого же дня подруги переводили невесту в дом жениха, где ее радушно встречала и одаривала его мать. На дни свадьбы из числа родственников выбирали «гель» (людей следящих за порядком) и «диванчи» («судью»). Жених сидел на столе, на котором находилось всевозможное угощение. Если кто-либо из гостей желал участвовать в организации свадьбы, ему достаточно было подойти к этому столу, разбросать угощение или задеть жениха.

Тотчас же «гель» арестовывал нарушителя порядка и вел его к «диванчи». Судья выносил строгий приговор — оштрафовать буяна, которому только этого и надо было. Под видом штрафа он вносил лепту на организацию свадьбы. Гостей угощали три раза в день, причем ассортимент блюд и порядок раздачи был один и тот же. На следующий день свадьба переходила в дом «гудула» жениха, на третий — в дом следующего товарища и т. д.

Обычай справлять свадьбу по очереди у всех товарищей жениха называется «гергеч» («катоки»). В последний день свадьбы справлялась у невесты. На протяжении всей свадебной недели подруги невесты были одеты в ее платья, они все время окружали ее и ухаживали за ней. После свадьбы они помогали ей в хозяйстве, чем могли.

Первые несколько месяцев «молодые» жили в доме родителей мужа. На время родов молодая женщина возвращалась в дом матери, тщательно скрывая до того времени свою беременность от родителей мужа. Там она оставалась 25—30 дней. Ее мать дарила ее первому ребенку распахонку и люльку. Все остальные родственники как по отцовской, так и по материнской линии дарили ребенку монеты.

Аул Хотода

Невесту брали в пределах своего рода из любых «тлибилей», так как последние считались равными. Отец жениха, приглядев для сына невесту, посылал к ее родителям уважаемых людей. Получив согласие через сватов, мать жениха, при посредстве какой-нибудь родственницы, заманивала невесту к себе в дом под видом помощи в работе. Там она спрашивала девушку, согласна ли она перейти к ним жить. Девушка должна была до утра следующего дня не соглашаться. Наконец, после долгих уговоров она оставалась в доме жениха, куда к ней приходили подруги. Родители жениха в той же комнате, где находилась невеста, шили ей подарки в течение трех дней. На четвертый день подруги отводили невесту обратно в дом ее матери, где по этому случаю устраивалось угощение. Подруги одевали платье невесты из ее приданого. На пятый день невесту снова вели в дом жениха и несли ее приданое. Там ее встречала мать, приглашала войти в комнату и делала ей подарок. Первые три дня после этого свадьба справлялась в доме жениха, на четвертый день переносилась в дом невесты. Пятый, шестой, седьмой дни свадьбы праздновались у товарищей жениха.

Первый год после свадьбы «молодые» жили в доме родителей мужа, потом им выделялся свой дом.

Считалось величайшим позором, если женщина рожала детей, особенно первого ребенка, в доме мужа. Она была обязана на время родов уйти в дом своей матери, где ей помогали при родах мать и сестры. Там она оставалась дней 30—40, после чего возвращалась домой, где по случаю рождения ребенка устраивалось угощение.
